

2012-01-18 Г.А.Зюганов: Миром двигают романтики. Фотобиография кандидата в президенты от оппозиции

Пресс-служба ЦК КПРФ - KPRF.RU

{youtube width="500" height="400"}3QMW2dAnCpM{/youtube}

Каждый политический деятель находится в центре общественного внимания, однако часто случается так, что вторая, личная, человеческая, а не публичная сторона его жизни остается почти неизвестной. В этой подборке фотографий из семейного альбома лидера КПРФ и народно-патриотической оппозиции мы постарались восполнить этот пробел.

Неизвестный Зюганов

- Геннадий Андреевич, сегодня вас как одного из ведущих деятелей оппозиции уже хорошо знают в стране. Растет интерес к вам как к личности. Хотя бы коротко о себе.

- Родился я на Орловщине в 1944 году. Около ста мужиков ушли из нашего села на фронт, вернулись живыми с десятков. Семья наша была учительской аж в трех поколениях. Десять педагогов из нее проработали в общей сложности более 300 лет. Пошел по этой стезе и я. Работал сельским учителем. Три года отслужил в армии.

- Каким вы были в пятнадцать лет? Дрались? Какую прическу носили? Какие у вас были любимые вещи?

- Прическа была - шикарный ежик. Прическу мне подпортила служба в радиационной разведке. Из трех лет год проходил в противогазе. Дратся дрались, когда, например, в соседнюю деревню заедем на танцы на велосипедах... Носить я любил гимнастерку, тетушка мне подарила, она была на войне медсестрой. Долго я ее носил и хранил, для меня это было приобщением к героическому военному мундиру. Самым драгоценным были мячи - их так просто тогда было не купить, латал каждую дырку. До сих пор помню свои лыжи, чудесные, все переломались, а одна пара держалась, хоть и стерлись так, что бороздок не было видно.

- А как вам столь популярные сегодня политические анекдоты?

- Да нормально, я вообще люблю посмеяться, обожаю частушки. В институте был капитаном КВН - непобедимая команда физмата! Анекдоты люблю. Выпустил уже пару книжек с ними и готовлю ещё – и не одну.

- О вас мало что известно, упоминают только любовь к волейболу...

- По волейболу у меня первый разряд. Я с юности был очень крепким, занимался культуризмом, в деревне меня звали «батя»...

- Кого хотел вырастить из вас отец?

- Ему казалось: главное, чтоб я мог делать все, что полагается мужику. Привыкни трудиться, а все остальное приложится. На войне отец был командиром артиллерийского расчета, в Севастополе получил тяжелое ранение в ногу, друг его вытащил из-под обстрела, вывезли из города предпоследним кораблем. Ногу хоть и не отняли (он не дал), но сильно порезали, фактически вместо ноги осталась культя, высокий черный ботинок, ходил с палочкой или ездил на лошадке.

- Вы переживали инвалидность отца остро?

- Да... Он любил рассказывать. Нырнешь к нему под одеяло, прижмешься так хорошо и радостно, что он такой умный, столько знает, - и тут же рядом чувствуешь холодный, тяжелый протез. Но его не дразнили, даже в школе, фронтовиков уважали. Так мы и хозяйствовали. Он головой, я - руками. Пасека, поросенок, куры, кролики, сад вырастили, отец саженцев в питомнике для всей деревни добыл. Десять соток картошки. Когда был хороший взятки меда, мы смогли материала купить и вдвоем построили дом. Я в бригаде щепой крыши крыл. Рана отца не отпускала, осколки шли наружу, мучительно. Последний раз в распутицу я еле вывез его в больницу на тяжелом тракторе. Врач сказал: еще раз так будет, и вы его не увидите. Я понял, что пора родителей забирать к себе. Когда в 18 лет я покидал деревню, то пообещал: будет трудно - заберу к себе. Отец прожил со мной еще семнадцать лет, умер в 1990 году. Очень переживал, когда смотрел телевизор: «Геннадий, вот послушал - триста слов, и ни одного правды!» Я увидел его смерть во сне, примчался в пансионат на Клязьме, где семья отдыхала, но он был здоров, посмотрел, как я в волейбол играю. Я вернулся в Москву, а через четыре часа его не стало.

- Он был верующим?

- В привычном смысле этого слова - нет, но дед, кстати, учительствовал в церковноприходской школе. Отец любил ходить к людям и рассказывать новости, его ждали даже в других деревнях, встречали в самой просторной избе. У меня его характер, в прошлом веке я был бы просветителем. А внешне я похож на мать, Марфу Петровну. Мама тоже была учительницей, учила меня первые четыре класса, очень строго. Приходилось выучивать учебник наизусть целыми страницами: только так мог надеяться на «пятерку». Единственный раз ее в школе «мамой» назвал - она была очень недовольна.

- Где вы познакомились с женой?

- Она моя ученица. Когда окончил с медалью школу, меня оставили в ней же преподавать: физкультуру, математику, основы противоатомной обороны - был такой предмет. А Надежда Васильевна младше меня на два года, учителю было 17, ученице 15. Мы дружили. Потом я уехал в институт, потом армия, она поступила на исторический факультет, все время переписывались. После армии поженились. Долго жили по общежитиям, снимали комнаты...

- А какая семья у вас сейчас?

- По нынешним меркам - очень большая. У меня сын и дочь, семь внуков и одна внучка. Очень люблю общаться с ними. Говоря экономическим языком, внуки - это как проценты с капитала, к ним другое чувство. Жена раньше работала на Втором часовом заводе. Завод обанкротился, теперь домохозяйка. Сын - инженер-электронщик. Работал в лаборатории по производству суперроботов. Но сейчас на все это заказов нет. Приходиться бороться за место в жизни.

- Сколько капусты засолили на зиму?

- По банкам не считал, но много. И капуста, и огурчики, и помидорчики. Мы к зиме всерьез готовимся.

- А у вас есть свои обязанности в семье?

- Мы с сыном долгое время брали на себя уборку квартиры.

- На что вы живете, что любите есть?

- Мой доход - депутатское жалованье, иногда гонорары. Ну и все остальные понемногу зарабатывают. Шиковать не можем. Что касается еды, то все мои хозяйки прекрасно и по-разному готовят: на одной сковородке пожарят одну и ту же картошку, и у каждой получится другой вкус. Люблю простую крестьянскую пищу, соленья, супы, борщи. Обедаю в столовой, если успеваю.

- Есть ли у вас какие-то домашние животные?

- Был всеобщий любимец кот Василий, доживший до очень почтенного возраста. Огромный котяра килограмм на шесть. Мы с ним очень дружили. Я ему разрешал на мой письменный стол залезать, и на диване рядом посидеть, на ухо помурчать. Иногда, когда долго не бывал дома— он скучал, сразу прибегал к порогу, предлагал поздороваться, побаловаться. Вспоминаю его с большим теплом и грустью.

- Геннадий Андреевич, Вы по первому образованию - учитель, преподаватель математики и физики. Что определило ваш выбор учительской профессии?

- Вся обстановка. Моя мама Марфа Петровна 40 лет учительствовала в младших классах. Мама была прекрасным педагогом. Отец Андрей Михайлович тоже учитель. Преподавал все предметы, кроме русского и иностранных языков. Но не только влияние семьи... В российской культуре и традиции врач, священник, воин, учитель - самые почитаемые люди. В деревне - особенно. Все это впитывала моя душа сизмальства. Отсюда и мое учительство.

- А физика с математикой? Не самые легкие предметы...

- Тут своя история... В школе я с интересом и с удовольствием занимался всеми предметами. Но мой отец - влюбленный во всякий труд человек - вернулся с войны инвалидом. Ему нужен был помощник в самых разных работах-увлечениях. Я и стал таким помощником-учеником. И все наши труды сопровождались познавательными беседами. Бесконечные мои «почему» и «как» - отцу, отцовские «почему» и «как» - мне. Задачками повышенной сложности меня подзадоривал тоже отец, из заветных тетрадок. Особенно он любил задачки, для решения которых нужно было не просто знать и понимать предмет, но и придумать метод решения. К тому же в дни нашей юности быть настоящим мужчиной означало быть «металлистом» - физиком-атомщиком, летчиком-реактивщиком, моряком-ледокольщиком, геологом-разведчиком, гидростроителем. Я выбрал физику и математику.

- Не жалеете о том, что жизнь все-таки развела вас с увлечением молодости? По своему опыту знаю: такие влюбленности никогда не проходят.

- Между прочим, уже на партийной работе моей «узкой» специализацией была конфликтология и геополитика. А это синтез естествознания, географии, философии, социологии, политологии. Не раз благодарил судьбу за то, что в институте получил фундаментальное образование: общественные процессы сейчас так сложны, что без естественно-научной подготовки современный политик просто невозможен. Что же о сожалении?.. Точнее сказать: грусть.

Правда, у нас богатая домашняя научная библиотека. И сын наш - естественник: разрабатывал уникальную робототехнику. В общем, остаюсь приобщенным к миру формул, точности и строгости.

- Скажите, Геннадий Андреевич, какой «внутренний закон» вынесли вы из отчего дома и пронесли через годы и невзгоды?

- Уважение к труду. На всю жизнь запомнилась мне похвала, которую услышал однажды от деда... К труду по-взрослому отец приучил меня с самого раннего детства. В семь лет мне доверяли и топор, и пилу, и все прочие инструменты. Так вот, однажды я колос дрова. Дед подошел незаметно и наблюдал за работой. Потом поздоровался по-крестьянски степенно и сказал: "Э, внук! Да ты уже настоящий работник..." Как-то по-особенному значительно это прозвучало... Запомнилось. Уважение к труду. Представьте себе послевоенное село на Орловщине... Многие наши сельчане не вернулись с фронта. А вернувшиеся - искалеченные, израненные. Ни одна семья в одиночку не выжила бы. Пересиливали тяготы воистину единой семьей - деревней. С добром к близкому и к дальнему - в такой нравственности купались наши детские души. Жилось нам невероятно трудно. Но... тепло.

- Что для вас неприемлемо, отвратительно - оттуда же, из жизненных восходов, из начал?

- Возможно, вам покажется странным... «Негативной моральной составляющей» в моем сознании «оттуда», из молодости, не было. Неприемлемое и отвратительное пришло позднее, с годами, с проявлением того, чего, по моим убеждениям, не должно бы быть. Например, воровство. У нас воровства не было. Дома закрывались «на веник». А значит, для меня такого порока не существовало. Когда впервые узнал, что такое водится между людьми, был потрясен. Пережил момент отвращения. Второе неприемлемое: пьянство. На моей малой родине всегда праздновали все советские, все престольные

праздники. Весело, красиво, достойно. И вдруг в какой-то поездке увидел бесчувственно пьяную женщину. Второй момент отвращения. К сожалению, реестр аморальных элементов пополняется. Есть в море страстей человеческих, оказывается, и корысть, и цинизм, и предательство...

- Вы говорите: праздновались и престольные праздники... Если можно, ответьте прямо: разве вы не атеист?

- Родиться и вырасти в стране православной культуры и быть непроницаемым атеистом, не страдая полной духовной бесчувственностью, по-моему, невозможно. Остальное оставим в неприкосновенности. Это настолько глубокая, тема, что о религиозном чувстве - или очень коротко, или исчерпывающе. Коротко я ответил.

- Кто из наших соотечественников, по вашему мнению, лучший знаток русской души?

- Русская культура - это преимущественно духовная культура. Культура, исследующая и создающая прекрасные души. Назову всего несколько имен. Толстой. Никто, наверное, не прошел через такие мучительные искания душевной гармонии, какие испытал этот гений. Никто не сумел так осознать и отобразить безмерную широту русской души - как сделал это он... Достоевский. Знаете, когда читаешь его книги, то становится жутковато: ощущение такое, что он и тебя, читающего, пронизывает до самой последней твоей человеческой сути. И радуешься, что нет у тебя там, на самом-самом дне души, ничего подлого... Сергей Есенин. Недавно прочитал, что Есенин вместил в своем сердце сразу всю Россию - и белую, и красную, и возвышенную и кабацкую. Как я согласен с этой мыслью!.. Валентин Распутин, наш необыкновенно талантливый современник. Когда прочитал «Живи и помни», почувствовал: теперь я знаю о себе, о человеке вообще гораздо больше, чем до этого блистательного произведения...

- Неужели вы не назовете Пушкина?

- Какой вы, журналисты, опасный народ! Теперь мне, что же, перечислить всех русских и зарубежных классиков и современных писателей?

- И философов, и психологов, и социологов, Геннадий Андреевич...

- Я очень люблю поэзию Александра Сергеевича. И еще больше сказки. Это - чудо. Но все-таки меня первым покори́л Лермонтов. И знаете, почему? Меня поражает: как можно в 27 лет так глубоко понять такое непростое духовное явление - патриотизм. Патриотизм по отношению к отнюдь не совершенной и неласковой России... В моем мировосприятии литература занимала и занимает существенное место. Может быть, потому, что наша орловская земля - родина Тургенева, Тютчева, Лескова, Апухтина, Бунина. Невольно ощущаешь какую-то особую сопринадлежность, сопричастность. С большими писателями живешь вместе. Меняется жизнь, меняешься сам, и писатели как будто меняются. Например, Горький. Кто он? Романтик? Реалист? Для меня сегодня он - философ... Было время, Некрасова любил за точность стиха. Теперь выше всего ценю в нем великий дар сострадания своему народу... И Шолохов, и его Григорий меняются вместе с нами.

- Какие у вас любимые киноартисты?

- Андреев очень нравился, Лановой в «Павке Корчагине», Тихонов - мягкий, изящный, интеллигентный. Доронину полюбил с первой же роли, Ефремова. Нравились мне «Кубанские казаки» - наверное, скажете: вот, Сталину нравился этот фильм и Зюганову тоже... Но в то время, когда многие мои друзья еще жили в землянках, этот фильм все смотрели с радостью, это была мечта, надежда... Очень сказки люблю наши старые, «Садко», пусть наивные, но столько в них добра. В тогдашнем кино был прекрасный русский язык, совсем утраченный нынешним кино и телевидением.

- Геннадий Андреевич, а что вас более всего огорчает в сегодняшней России? Не в политике-экономике, а в обычной жизни “маленького российского человека”.

- Режим выживания! “Маленький российский человек” вынужден выживать. Миллионы и миллионы загнаны в ситуацию антибиблейскую: хлебом единым жить. Порабощающее состояние. Но что делать “маленькому человеку” - за ним первый долг: перед семьей. Накормить, одеть, обогреть. Режим физического выживания отнимает все - свободу, творчество, планы, образы будущего. Отсюда и фактические рейтинги власть имущих – того же г-н Путина. Многие мечтают о передышке и покое. Их измучили два

десятилетия ломок. И на этом паразитирует власть. Вырвать Россию из этого режима - первоочередная и неотложная задача всех честных и ответственных, всех здравомыслящих, всех социально дееспособных россиян... Вот недавняя встреча - с токарем высшей квалификации. Он с болью говорил: «Раньше ко мне очередь стояла - сделай эту деталь, сделай эту. И каждая работа - сложнейшая. Теперь мое мастерство никому не нужно. А ведь настоящее рабочее мастерство - это годы. И годы не только верчения рукоятками, но и тренировки профессионального мышления...» Тут не одно огорчение. Тут громадная опасность отчаяния. Отчаяние может быть не только покорным, но и разрушительным, сметающим все. Это я знаю из конфликтологии. Теория хаоса и катастроф уже достаточно познана. Современной научной, то есть не конъюнктурной, социологией тоже всесторонне описана. Практика многочисленная... Самое сложное в процессах такой природы - очень низкая предсказуемость.

- Вы обостренно воспринимаете социальную действительность. А как вы относитесь к людям, которые вам чужды? Презираете? Ненавидите? Не замечаете?

- Спокойно отношусь. Многих жалею. Вот представьте... Человек десятилетия «служил идее». Писал книжки, статьи, выступал с проповедями какой-то (не имеет значения, какой конкретно) идеи. И вдруг - полный духовный переворот. Если это действительно трансформация сознания, то тут великая, и безмолвная, как правило, трагедия личности. Ну а если homo sapiens публично перевоплощается в себе противоположное из-за обновленной корысти... Какая дьявольская пытка для души! Таких жалко. Такого хочется спросить: что же ты, несчастный, творишь над собой? И тех, кто десятки лет чуждое ему выдавал за свое родное-духовное,- жалко. Ненависть, презрение - слишком сильные чувства, чтобы тратить их на перевертышей. Не замечать? Не получается: больно уж они публичны и крикливы. Есть еще одна категория - лжецы с немигающими рыбьими глазами. Жириновщиной называется.

- Вы, я предполагаю, непрерывно в мыслях день сегодняшний продлеваете в день завтрашний через всевозможные «а если, то...». Какая нематериальная реальность тревожит вас сильнее прочих?

- Угроза снижения общего интеллектуального потенциала нашей нации. Занимаясь наукой, ученому сегодня невозможно обеспечить себе хотя бы терпимое материальное положение. Если истинные фанаты в науке остаются, несмотря ни на какие лишения, то на эксперименты, НИОКР материальных средств нет. А современная наука экспериментальна. Еще П. Л. Капица утверждал, что оптимальное соотношение

физиков-теоретиков и физиков-экспериментаторов 1:20. Исход из российской науки произошел массово. Самые высоколбы в лучшем случае оказались обречены заниматься простейшими проблемами. А чаще - коммерцией. Не будем лукавить: даже самый умный, банковский, бизнес - это на несколько порядков ниже по интеллекту, чем физика, математика, биология, системотехника, авиационно-ракетное конструирование и т. п. Распадаются научные школы, традиции, созданные поколениями подвижников науки. Так утончается самый высокий интеллектуальный слой нации сверху. А тысячи одаренных ребят, закончив школу в Сибири, на Алтае, Дальнем Востоке, не могут приехать в Москву или в Ленинград для поступления в лучшие вузы страны. И интеллектуальный слой нации не наращивается снизу. Платное образование - это нередко примитивное приобретение диплома с огромными печатями и, может быть, даже с неплохими практическими навыками, но без малого приложения - фундаментальных теоретических знаний. Вот эта тенденция меня тревожит чрезвычайно. За ней - необратимые потери, с последующей изнурительной погоней за мировым уровнем науки. Плоды я уже встречал. На авианосец «Адмирал Кузнецов» прибывают служить матросы с... начальным образованием. Это наш общий непростительный грех перед детьми России.

-Кто ваш бог? Христос? Ленин?

- Знаете, мой Бог - красота, правда, добро, справедливость. А что касается Христа, то в моем представлении Иисус - первый коммунист в новом летоисчислении. И Христос, и коммунисты исходили из принципа воплощения справедливости в земной жизни.

- Вы ходите в церковь?

- Чтобы нести в душе добро и братство, не обязательно ходить в церковь. Маршал Жуков не ходил в церковь, но, говорят, икону Казанской Божьей Матери, которая покровительствовала нашим воинам, возил с собой. Очень важно быть в душе человеком духовно развитым.

- Среди творческого бомонда у вас есть те, с кем вы лично дружны или просто близко знакомы?

- Ну, слово "бомонд" - это не для них. Эти люди - труженики искусства. Например, Михаил Ножкин, Игорь Лученок, Николай Губенко и Жанна Болотова. Дружу с художником Александром Шиловым.

- Ваш любимый цвет?

- Красный, пурпурный, золотистый. Если возьмете все наши сказки - там красна девица, красно солнышко, красный молодец, красна изба, красный угол, Красная площадь. Это же наше восприятие мира. На знаменитой картине "На поле Куликовом" все наше воинство стоит под красно-пурпурными золотистыми стягами. Нельзя менять знамена.

- На ваш взгляд, ложь в среде политиков явление более распространенное, чем среди простых людей?

- Все зависит от человека. Если он половину жизни громогласно ратовал за советский строй, а пришло лихое время и начал его хаять, значит он в течение двадцати лет каждый лень врал на работе, друзьям, близким, стране и врет теперь тоже. С какими он глазами домой приходил? Я как об этом подумаю... это же полный мрак. Если ты заблуждаешься или ошибся, приди и скажи: «Я не согласен». Мы даже в своей истории ошибались и заблуждались. За первые четыре года Советской власти мы сменили четыре типа политики: начиная с военного коммунизма и кончая нэпом. Шел великий эксперимент. В котором принимали участие живые люди. Но мы были последовательны. А сейчас гляжу на некоторых: вечером он коммунист, наутро демократ, сегодня державник, и если завтра станет фашистом, я не удивлюсь. Просто у человека нет стержня, нет цельного мироощущения... Это ужасно!

- Те, кто развенчивал коммунистическую идею, основывались на том, что коммунизм не принес человечеству ничего позитивного, ценного. Удалось ли им развенчать ее до конца? Может ли личность дискредитировать идеологию?

- Нет ничего выше идеалов гуманизма, справедливости и коллективизма. Человечество не выработало ничего более светлого и привлекательного. Эти идеалы и заложены в идеологии нашей партии. Другое дело, что любые идеи можно опошлить. Когда я читал «Священный вертеп» Лео Таксиля, книгу об истории римского папства, то понял, что и

любую религию можно изуродовать. Никто же не виноват, что некоторые люди ведут себя порочно и порочат остальных. Идеал “возлюби ближнего своего”, заложенный во всех мировых религиях, на мой взгляд, сегодня очень актуален. В противном случае есть опасность, что люди попросту перебьют друг друга. Я долго размышлял, почему появилось христианство. К примеру, ареал индуизма ограничен. Я с симпатией отношусь к Индии, знаю эту страну, она мне очень нравится. Она близка нам по духу. Но индуизм обитает в определенных границах и не распространяется дальше, хотя ему много тысяч лет. Христианство же появилось с развитием цивилизации, когда стало ясно, что изобретает современные орудия труда и защиты не тот, кто сильнее физически, а более умный и одаренный. Тот, кто первым гибнет в рукопашных схватках. И в дальнейшем цивилизация стала зависеть от того, сумеет ли человечество сформулировать заповеди - не убий, не укради - и следовать им. Так выстраивался новый кодекс поведения, связанный с качественно новым этапом развития человечества.

- Выработав кодексы и заповеди, человечество спасло себя, но всегда ли было и есть разумным его поведение? Какая опасность сегодня может грозить ему?

- Сегодня, на мой взгляд, человечество подошло к рубежу, когда стоит очень внимательно взглянуть на все происходящее. На планете становится тесно, природа страдает от неразумной политики самых разумных существ, начинают подтаивать льды и появляться озоновые дыры. Либо человечество сообразит, что ему надо минимум треть своих капиталов вкладывать в хорошее образование, в высокую культуру, в формирование духовности, гуманизма, терпимости, в умение вести диалог. Либо восторжествует чисто натовская, силовая философия: нам все доступно, игнорируем все мировые договоренности, которые были сформированы после войны, не понравится - будем бомбить. Выбор невелик, и борьба идет везде. Меня в этой ситуации очень тревожит то, что общий уровень интеллектуально-духовного развития человечества отстает от технической его вооруженности. Средства истребления природы и людей значительно превосходят по разрушительной мощности возможности быстро и оперативно решать какие-то позитивные задачи. Очень много зависит от того, на каком уровне будут подготовлены люди, которым предстоит делать политику в будущем.

- Да, это особенно актуально сейчас, когда многие нации стоят на грани впадения в варварство...

- Ну, может быть и не в варварство, но эти явления, конечно, тревожат. По крайней мере, людей масштаба Ленина, Дэн Сяопина, де Голля, Ганди, Насера, Кастро не

прибавляется. Можно по-разному относиться к любому из них, но это люди, которые предвосхитили многие события. И сумели решить очень серьезные задачи. Сейчас же, похоже норовят доводить людей до крайнего состояния, пока они не возьмут булыжники и дубинки и не начнут разбираться со всеми подряд? Ведь каждый будет разбираться конкретно с тем, кто ему не нравится.

- Вредно ли политическому деятелю выплескивать на публику то, что творится у него на душе? Вы о себе можете сказать, что вы эмоциональный человек?

- Да, могу. Я честно вам признаюсь, что, когда спускаюсь в подземный переход и вижу детей, которые там сидят на асфальте, или пожилых женщин, просящих на операцию, мне становится плохо. Понимаете, раньше же этого не было. После войны мы и то ушли от этого, постепенно, тяжело... Я из краев, которые война захлестнула и которые страшно пострадали. Мы очень бедно и тяжело жили, но глаза у всех светились, с каждым днем что-то прибывало. А сегодня наш народ, даже если внешне уже никак не реагирует - многое просто огрубели от такой жизни - разрушается, глядя на все это. Мы не можем быть равнодушны! В этом смысле - да, я человек эмоциональный.

- Не утомляет ли жить на виду у всех?

- Конечно, утомляет. Живешь, как на витрине магазина. Но радует абсолютно благожелательное, уважительное, заинтересованное отношение людей. Очень любопытна реакция многих при личных встречах, особенно женщин. Потому что мой образ, навязанный телеэкраном, при личном общении рассыпается. Люди, видя, что я в жизни, то есть на самом деле, совсем другой, удивляются и качают головой: "Что же это творится на нашем телевидении?"

- Как складываются ваши отношения с прессой?

- С работниками прессы, то есть журналистами, операторами, сценаристами, помощниками у меня отношения хорошие. Они меня ценят не столько как политика, сколько просто как человека. Я прекрасно понимаю, что им дают редакционные задания, и они привозят материалы, которые потом уродуют со всех сторон.

В условиях развязанной у нас информационной войны журналисты выполняют роль пехотинцев, пешек, которых просто бросают на прорыв безжалостно и беспощадно. А руководят всем, принимают решения, определяют стратегию совершенно другие люди: те, кто владеет сегодня каналами, кто платит большие деньги, кто сидит сегодня у пультов и включает тот или иной рубильник. Это очень прискорбно, потому что без настоящей свободы слова, к которой “заказная” журналистика никакого отношения не имеет, решать сложные вопросы невозможно, а у нас их накопилось огромное количество. И общество испытывает сегодня острейший дефицит правды, искренности и доброй воли.

(В тексте использованы материалы интервью Г.А.Зюганова, опубликованные в изданиях: “Независимая газета”; “Совершенно секретно”; “Москвичка”; “Государственная граница”)